

А. Ш И Ш О В

МЛАДШАЯ СЕСТРА

ДЕТГИЗ • 1951

А. Ш И Ш О В

МЛАДШАЯ СЕСТРА

РИСУНКИ
В. КОЛЕСНИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1951

69555

1957-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ДЕТСКОЙ КНИГИ
1957-58 г.

694934 КХ 689

Российская государственная
детская библиотека

ПРИБАВА

Настина мама Мария Петровна много лет работает в колхозе дояркой. У неё десять коров — чистокровных ярославов. Как-то прибежала она в полдень домой, расстроенная, хмурая:

— Вот наказание! — говорит. — Пеструля-то из стада ушла, пропала. Пастухи недосмотрели!

— Мама, а куда она ушла? — спросила дочка Настенька и тревожно на неё посмотрела.

— Где-нибудь в лесу. Боюсь, не увязла бы в болоте. Тяжёлая она у меня, да и время-то у неё подходит к отёлу. Пойдём на розыски, дочка!

— Пойдём! — живо отозвалась Настенька.

— Обуйся и оденься потеплее.

Мария Петровна набросила на плечи ватник, покрыла голо-

ву старенькой шалью, взяла со стола ломоть хлеба и завернула в фартук.

Добежали мать с дочкой до молодой сечи, где пасся колхозный скот. Пастух, высокий парень с медной трубой, подвешенной на ремне через плечо, тоже пошёл с ними на розыски, оставив со стадом подпасака.

— Мария Петровна, не сердитесь на меня, уж я как следил...

Доярка молчала, плотно сжав тонкие губы. Чувствуя за собой вину, пастух подыскивал оправдания:

— Пеструля, как ни на есть, а хитрая коровёнка...

— Не коровёнка, а корова.

— Я знаю, что она по удою-то хороша, да вот телится под осень.

И правда была уже осень. Вереницей тянулись сырые облака, на небе кое-где образовывались разводья, и в них иногда показывалось солнце. Оно золотило лес, озимые поля и, не успевая подсушить на молодой отаве росу, снова пряталось в облаках.

Пастух остановился и, поразмыслив, сказал, виновато поглядывая на доярку:

— Вы, Мария Петровна, с дочкой идите обочиной леса, а я обогну болото да спущусь в низовья. Кричите мне, как что увидите...

— Ладно, — ответила за мать Настенька.

За пастухом погнался его большой рыже-бурый пёс. У собаки на ошейнике звенел колокольчик. Колокольчик подвешен был для того, чтобы на собаку не напали волки.

Лес в тех местах тучный, глухой: сосна и ель в обхват да лозовая берёза, бугристая в комле. По лесу обрывистые овраги да пересохшие болотины, заросшие острой, как ножи, осокой.

— Пеструля, Пеструля! — звала Мария Петровна, прислушиваясь и зорко поглядывая по сторонам.

Настенька шла неподалёку от матери и тоже звала. Под ногами хрустели и неожиданно стреляли сухие сучья и валеж-

ник. Ноги заплетались в густом папоротнике или вязли в пышном мхе. Настенька подумала: «Наверно, здесь водятся волки». И как только подумала об этом, сердце её сжалось от страха.

Они пересекли гладко выкошенную и уже заросшую травой ложбину и опять углубились в лес. Пастух ушёл далеко, чуть была слышна его труба: «Ду-ду-ду...» Верхушки сосен и елей сомкнулись, и когда солнце появлялось, то проникало сюда слабо. По земле сновали беспокойные тени.

— Мама, страшно-то как! — сказала Настенька.

— А ты об этом не думай и бояться не будешь.

— Само думается...

Мария Петровна пожалела, что взяла девочку с собой, да и дом остался без надзора. Лучше бы позвать кого с фермы. Впопыхах-то не смекнула.

Перешли они в молодую рощицу, но и здесь высились те же сосны и ели, шумливые берёзы и осины. На облыселем шиповнике рдели поздние ягоды.

Девочка устала. Ноги поцарапала в кровь. Только она не хотела говорить об этом матери.

— Пеструля! Пеструля! — кричали они уже в один голос.

У Марии Петровны сбилась шаль с головы на плечи. Выцветшие волосы перепутались. Беспокойное сердце её ныло от досады всё на того же пастуха, который и сам теперь мучается, нивесть где пропадая.

— Ты посиди, дочка, отдохни, а я обойду вот эту рощицу и приду опять сюда.

Настя села на низко срезанный пенёк с краю небольшой прогалины. Только мать отошла, вдруг девочка услышала в молодом ольшанике, у самого подлеска, какой-то шум. Она с опаской поглядела в ту сторону, а потом подумала: «А что, если это Пеструля?» Стала к тому месту осторожно красться и вдруг закричала на весь лес:

— Мама, мама! Вот она, Пеструля-то! Здесь!..

На подмятой траве у ног коровы девочка увидела телят и закричала ещё громче:

— Пеструля здесь отелилась! Двоих принесла! Где ты! Беги скорее!

Но Мария Петровна была уже рядом.

— Батюшки мои, двойня! — сказала она, и у неё сразу пропала всякая обида на этого чернявого, немного бесшабашного парня — пастуха. Одно волнение улеглось — появилось другое, но не такое уж тягостное. Как-нибудь доберутся они до дому.

Большая чёрная корова с белыми пятнами по бокам и на спине, с загнутыми кверху рогами, старательно облизывала новорожденных. Обрадовавшись знакомому голосу, она тихо промычала, как бы извиняясь перед хозяйкой, что отстала от стада.

Мария Петровна ласково потрепала корову по гладкой шее и отдала ей взятый для себя хлеб.

— Что же теперь делать-то? — советовалась она с дочкой. — От телят её не уведёшь, да и оставить их нельзя.

Она во весь голос кликнула пастуха. И Настя кликнула. Но пастух их не услышал. Должно быть, ушёл далеко: последний раз он трубил за утиными болотами.

— Настя, надо бежать за лошадьё. Найдёшь ли дорогу-то? — сказала мать. — А то здесь, с Пеструлей, оставайся.

— Что ты, я скорее тебя сбегаяю! Вот только бы не заблудиться. Выведи меня на луг.

Мария Петровна вывела дочку на луг, а сама вернулась к корове с телятами.

Солнце опускалось ниже и ниже, набежала туча. Ветер качал макушки деревьев. На желтеющих листьях зашумели редкие капли дождя. Настеньке никогда не приходилось отлучаться так далеко от дома. То было страшновато ей, а тут, как нашли Пеструлю, и силы прибавилось, и бояться перестала; сбросила с ног башмаки и, босая, без оглядки бежала и бежала в деревню. Только в одном месте девочка услышала, как

что-то зазвенело: «дзинь-дзинь...» Она присела на корточки, затаилась, а затем увидела: прямо на неё выскочил рыже-бурый пёс с колокольчиком на ошейнике.

Настенька легко вздохнула и, махнув на него руками, закричала:

— Ступай скажи своему хозяину: нашли мы Пеструлю-то! Нашли с телятами. Я за лошадью бегу.

Здесь она опять услышала: «ду-ду-ду...» Пастух где-то был неподалёку. Сказать бы ему, да некогда — мама заждётся.

Когда Настенька выбралась на знакомую, наторённую колёсами дорогу, сердечко её шибко стучало в груди, но она только прибавляла шаг.

На дворе фермы девочка застала заведующего — усатого, сердитого дядьку Семёна Ивановича Вихрова. Увидела его — сказать надо, а слова не выговариваются, так замучилась.

— Нашли? — спросил он её.

— Пеструля отелилась... Мама велела на лошади... Два телёнка, — еле выговорила Настенька.

И Семён Иванович сразу повеселел, глаза его стали добрыми.

— А куда ехать-то?

— В лес. Я покажу. Скорее!

Пока запрягали лошадь да накладывали в телегу свежего сена, Настенька забралась на передок телеги, свесила с грядицы босые ноги.

— Скорее, дядя Семён, а то темно станет...

А дядя Семён не очень-то торопился. «Ему хоть ночь — не ночь: он не заботится. А каково там маме-то!» думала девочка и, когда выехали, стала усердно сама погонять лошадь кнутом.

Дорога повела лесом, такая узенькая, тёмная, неровная, осыпанная жёлтыми листьями. Попадись встречная подвода — не разъехались бы. Они слышали в разных концах голоса: «Ау, ау, ау!» Кто бы это мог быть? Под вечер за грибами или орехами не ходят. Настенька, дрожа всем телом, забеспокоилась. Дядя Семён, закутав ей плечи дождевиком, сказал:

— Послал я женщин вам на помощь — разыскивать Пеструлю. Вот они и перекликаются. Не бойся.

На развилке, как сворачивать вправо, Настя увидела сломанный сучок на дереве — заприметила его.

— Вот здесь надо ехать, здесь. Теперь уже близко до них. Сворачивать никуда не надо.

Семён Иванович остановил лошадь и сильно, на весь лес, аукнул. От его голоса раскатилось эхо. И тотчас же ему ответила труба пастуха.

Когда приехали на ту самую полянку, где нашли Пеструлю, Настенька увидела мать и очень обрадовалась ей, да и Мария Петровна, истомлённая ожиданием, обрадовалась дочке и Семёну Ивановичу.

— Ну вот, всех ввела в хлопоты наша Пеструля! — сказала доярка. — Не надо бы пускать её в стадо, а я пожалела. На дворе она тоскует...

— Хорошо, что нашли, — довольно потирая руки, ответил Вихров.

Телят положили на сено в телегу голова к голове. Они отфыркивались. И Настеньку посадили в телегу, потому что она больше всех бегала. Лошадь пустили шагом. За телегой пошла Пеструля, а следом пошли все: Мария Петровна, Семён Иванович, пастух и рыже-бурый пёс с колокольчиком.

В деревню приехали ночью. Сторож ходил у двора фермы с фонарём, ожидая их. Фонарь разбрасывал во все стороны светлые полосы.

— Коров-то моих отдоили ли? — спросила Мария Петровна.

— Всё сделали. И Пеструлю отдоим, телят молоком напоим. Идите домой с дочкой, утомились обе, — ответили ей.

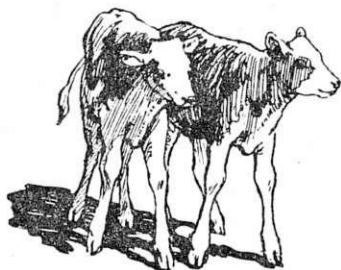
* * *

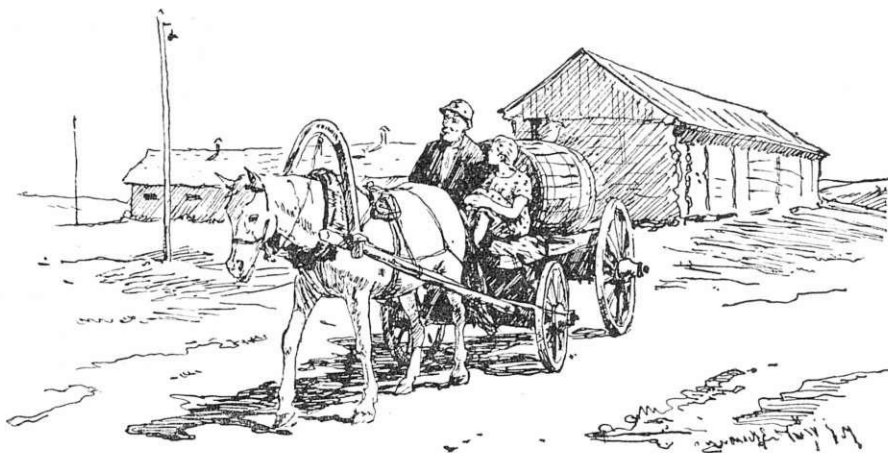
На другой день Настя привела на ферму своих подруг поглядеть на детей Пеструли. Девочки шумно восторгались, гладили телят. Семён Иванович сказал:

— Ты нашла теляток — давай им клички. Только чтобы первая буква была «П» — так, как зовётся их мать.

Настенька подумала и назвала бычка «Полосатый», а тёлочку — «Прибава», потому что мать ей дома говорила: эта тёлочка родилась «сверх плана».

СВОЙ ДОЖДЬ

Катя за день не раз побывает на колхозном огороде.

— Ты опять здесь? Вот я тебя! — ворчит на неё мать.

А Катя, миновав изгородь, стремглав бежит босая по узкой дорожке, отыскивая глазами свою заступницу, тётю Марфу — бригадира.

— Ты не кричи на неё, не кричи! Она помогать нам пришла, — заступает за девочку Марфа Ивановна, вываливая из фартука сорную траву, выполотую с клубничных грядок.

А маленькая Катя уже в маках, и голова её с русыми кудринками на висках где-то затерялась в распутившихся ярких шапках цветов.

Маки цветут красиво, но недолго. Их крупные лепестки опадают, усеивая землю. Девочка подбирает лепестки, прячет себе в карман фартука. Затем, усевшись поудобнее, перекладывает их, подбрасывает на ладошке, играет в считалочку.

— Два, три... это пять, а это десять... — считает она вслух и радуется, что ей удалось спрятаться от матери.

Огород обнесён плетнём, занимает большую площадь. С утра здесь работают женщины и девушки, да ещё Фёдор-водовоз, высокий сухой дед. На лысой голове его — войлочная шляпа.

Катя дружит с дедом. Жалеет его, безродного, забредшего сюда со Смоленщины ещё во время войны. Фёдор туговат на ухо, и когда чего недослышит, девочка тут как тут — передаёт ему:

— Деда, Король твой отдохнул. Велят воду завозить. Тётя Марфа велит. Говорит, всё посохло...

А Фёдор себе на уме. Подморгнув девочке, садится в тени, достаёт трубку, набивает её махоркой; щурясь, глядит на небо, вздыхает с тоской:

— Дождика бы...

Дождя давно не было. Земля на грядках потрескалась, растения блёкнут и никнут.

— Хорошо бы крупного да зарядного, этак часа на два. Промочить землю-матушку, — вздыхает дед.

Затем он выбивает трубку и берётся за дело. Снимает путы с ног сивого и брюхастого Короля, который пасётся за огородом на отаве. Запрягает его в телегу. На длинной телеге прикручена верёвками большая бочка. Весь день Фёдор возит из-под горы, с ручья, воду и сливает в огромный чан, врытый в землю посередине огорода.

— Эге-ге!.. Тяни, Король, тяни! Может, оно скоро и поможет — отдохнём и мы с тобой...

Вода в чане быстро нагревается, и никто не видит, как маленькая Катя, поощряемая дедом и Марфой Ивановной, залезает в этот чан, словно в бассейн. Окунётся с плечиками и опять наденет голубое платье, а поверх — фартук с карманом, куда мать каждый день кладёт ей чистый платок и наказывает:

— Не приучайся шмыгать носом — это нехорошо.

— Мама, он у меня сам шмыгает.

— Ты простудилась. Не смей подходить к воде!

Катя виснет на шее у матери, целует её в щёку и обещает гулять у парников и теплиц. Но когда солнце становится на полдень и лёгкое дуновение ветерка замирает, девочка забывает про обещание и опять подбегает к чану.

— Ты куда, баловница! — Мать хватается её за руку.

— Мапочка, ой, умру от жары! Я немного — только поймаю на воде зайчика... И нос у меня сегодня не шмыгает. Ой,пусти!

За девочку заступается опять та же Марфа Ивановна — бригадир. Её повелительный голос не умолкает здесь. Катя входит в воду осторожно, чтобы не спугнуть блики, старается захватить их рукой, но ей это не удаётся: как только прикоснётся она к воде, солнечные зайчики исчезают.

К вечеру, перед закатом солнца, огородницы проявляют особую расторопность: из чана набирают воду в вёдра, проворно бегают с коромыслами на плечах, перехватывают из рук одна у другой тяжёлые лейки.

Катя тоже им помогает — даже замочила подол платья, замочила и рукава.

* * *

Жаркое лето прошло, наступила осень. Голубое небо замутилось, стало холодным. У ручья крикали утки и гоготали гуси, усеивая берег белым пухом и пером.

В огороде снимали урожай. На двух грузовиках часть овощей отвозили на ближнюю станцию в счёт поставок. А дедушка Фёдор прямо с весов развозил капусту, морковь и репу по дворам колхозников.

— То-то, Король, шевелись, а то дорога вконец испортится! — покрикивал он.

Дед Фёдор никому ничего не говорил, но по ищущему взору его можно было понять: хотел он увидеть весёлую и забавную девочку Катю. Катя же со своими подругами пошла учиться в школу. Мама купила ей на ватине пальто и красный берет с помпоном. Теперь только после уроков она забегала в огород, чтобы взять ключ от дома.

— Мама, я выучу буквы и приду вам помогать.

— Без тебя как-нибудь управимся.

— А меня деда звал. Вот звал, звал!..

— И Фёдору ты не нужна.

Катя с тем и уходит. Дома на подоконнике она раскрывает тетрадь. Склонив набок голову, пишет и заглядывает на широкую улицу. А вот он и дед Фёдор, понукает Короля. Воз его со скрипом проплывает на тот край села. Девочка торопится. Когда урок наконец сделан, она с лёгким сердцем надевает пальто и сбегает с крыльца.

— Деда, и я с тобой! — кричит она.

Дедушка Фёдор придерживает конягу, пока его любимая девчоночка со ступицы колеса не взберётся на телегу и не сядет с ним рядышком.

— Ну, деда, погоняй своего Короля!

В огороде они нагружают телегу капустой. Катя остаётся на возу, а Фёдор шагает сзади. На селе их приветливо встречают.

Вскоре на схваченную морозом землю выпал снег. Ветер то играл сухими листьями, опавшими с лип, а теперь заметал снегом дороги. Днём умнут снег широкими полозьями саней, а утром нет и признака дороги — начинай её прокладывать сначала.

В тёплом пальто и в валенках, Катя бегала в школу. Училась она прилежно. После уроков с подружками Лялей и Таней каталась на лыжах.

Катя вводила подруг на край села. Огорода здесь совсем не было видно, только крыша теплицы да отдельные колышки гряды кое-где обозначались в снежных сугробах.

Дедушка Фёдор, заложив Короля в розвальни, появлялся здесь и зимой. Помогал рабочим и колхозным комсомольцам перевозить длинные железные трубы, кирпич и цемент. Раскопав снег, складывали они всё это под навес, где хранился летний инвентарь.

Дома девочка пристала к матери:

— Для чего это, мама, железные трубы?

— Тебе об этом можно и не знать...

— Нет, ты скажи, скажи! Только правду скажи!

— Лето придёт — увидишь, узнаешь. Опять носом шмыгаешь? Не ходи на лыжах — простудишься. Была в огороде?

— Была... Ты мне скажи, мама, что там будет? Зачем дедушка Фёдор возит железные трубы?

— Рассадку будем теперь поливать своим дождём. Электричество станет подавать воду.

— Мама, да как же это? — удивилась Катя. — Электричество только светит.

— Оно всё может...

— И дедушка Фёдор об этом знает?

— Все знают. И ты подрастёшь — узнаешь.

Сегодня, видя мать доброй и весёлой, Катя всё бы расспрашивала:

— Мама, а почему помогают только комсомольцы?

— А кто же ещё должен?

— Все должны помогать.

— Помогите и вы.

— А что, мама, собрать всех ребят, вот бы!.. Скажу Грише Стрижову, он у нас председатель дружины. Как объявит, так все и пойдут...

— Вот и скажи. Только сейчас не лето, а зима: мороз на ветру слезу из глаз выжимает.

— Пионеры мороза не заботятся! Что нам мороз-то!..

* * *

В перемену Катя поймала в коридоре школы вихрастого паренька Гришу Стрижова. Вцепилась в его рукав и торопливо стала рассказывать о том, что электричество не только светит, а может всякую работу выполнять, что в колхозном огороде будет свой дождь, только нужно помочь его сделать.

— Здравствуйте! — поклонился ей Гриша. — То-то мы не знаем... Давно все договорились: в выходной будем там.

И правда, в воскресенье с утра первыми пришли на огород комсомольцы. Пришли и пионеры. Катя собрала своих подро-

жек Лялю и Таню, велела им взять лопаты и тоже привела сюда.

С утра снег обнастился: идёшь без дороги — и не проваливаешься.

У Кати развевается за плечами яркий шарф. Она успевает побывать и там и сям.

— У кого нет лопаты, у кого нет кирки? — спрашивает она. Это тётя Марфа велела ей узнать.

Вдоль огородов, от самых теплиц, начали разгребать снег, а под снегом земля не очень-то промёрзла. Ребята откалывают её кирками и ломом. А девочки за ними подбирают и выбрасывают комья на снег. Мало-помалу получается узкая, но глубокая канавка. В неё и опускают железные трубы, идущие к кирпичным колонкам.

Все довольны, что эту работу сделают за зиму, а то весной другие дела подоспеют.

Стоять наверху холодно, а внизу, где выбирают землю, тепло. Кто не работает, тому везде холодно, а у кого в руках кирка или лопата, тепла под шубейкой хоть отбавляй. Рукавицы ребята засунули за пояс, работают голыми руками; хвалятся: так лучше — черенок кирки не юлит.

С краю огорода застыла в безмолвии кудлатая берёза. Она покрылась серебряным инеем, словно приукрасилась ёлочной канителью. Откуда-то прилетела ворона и села на самую верхушку берёзы. Поглядывает на ребят то одним глазом, то другим — видимо, удивляется, зачем они тут землю роют, нет ли в этой земле жирных червей.

Дедушка Фёдор, в длинной бекеше и в меховой шапке, подпоясанный кушаком, покрикивает на Короля. Всю эту неделю он подвозит на розвальнях трубы. Катя и здесь не прозевала: на повороте вскочила в розвальни к деду и уехала с ним к кладовым.

— Деда, скоро ли будет свой дождь? — спросила она.

— Как помогать будете, — ответил старик, обрадовавшись девочке, и высвободил ухо из-под шапки, чтобы с ней поговорить.

— Это я всех ребят привела на огород!
— Молодец!
— Я не мальчишка — молодец-то.
— Другой и мальчишка того не сообразит. Ты догадливая, в мать уродилась.
— И в тебя. Да?
— Так не бывает. Кабы я родной тебе...
— А ты всё равно как родной...
— И то рассудительно.

А когда они нагрузили трубами воз, дедушка Фёдор сказал:
— Закройся от ветра, а то нос прохудится — течь будет.
— Он у меня только шмыгает, — ответила Катя и звонко крикнула на Короля.

А раскормленный Король и ухом не повёл.
— Голос у тебя тонок, — сказал дед и крикнул на Короля басом.

Король взмахнул хвостом и пошёл рысью.
Ляля и Таня без Кати вырыли в сугробе пещерку, да и затаились в ней. Катя слышит — где-то подружки смеются, а найти не может.

— Да где же вы, где? Почему землю не выбираете?
Тут подоспел Гриша Стрижов. Похлопал рукавицами:
— А вот сейчас я снег обрушу им на головы! Засыплем и выручать не будем.

Хотел влезть на сугроб, да и зачерпнул полные голенища снега. Пришлось ему лечь на спину, поднять ноги да вытряхивать снег из широких голенищ. А выбил — опять полез на сугроб.

Девочки испугались, что потолок пещеры обвалится, и побежали. Они не прочь бы забросать Гришу снегом, да снег-то сегодня сухой. Хорошо играть в снежки, когда снег мягкий: возмёшь в пригоршни, на всю силу сожмёшь и запустишь. Такой ком летит, как снаряд: непременно угодит в цель.

Бригадир Марфа Ивановна опять Катю послала:
— Сбегай в столовую, узнай, готов ли обед. Скажи: ребята проголодались.

Катя с нетерпением стала ждать тёплых дней. Вот затинькала с крыши первая капель, прозрачная, как росинка. Солнце заиграло в окнах. Снег ещё не сошёл, не стоял, а в парниках и теплицах начались работы.

Из школы пришли как-то на огород девочки и мальчики, а с ними и учительница Ольга Петровна. Они помогали делать из торфа, перемешанного с землёй, горшочки. А с наступлением тепла опять всей школой пришли на огород и надевали бумажные колпачки на высаженные в грунт помидоры.

Дедушка Фёдор теперь не водовоз, а только сторож. Король передан на молочную ферму возить в бидонах молоко. Ночью дед сторожит, а днём чинит грабли или точит мотыги, а то вставляет стёкла в парниковые рамы.

Что бы дедушка ни делал, но водопровод занимает его больше всего. Выкурить трубку он усаживается у самой колонки. Щуря глаза, поглядывает в голубое небо: теперь горячее солнце не страшно, молодые посадки не спалит.

Бригадир Марфа Ивановна, обойдя гряды, засеянные маком, и участок только что высаженной капустной рассады, ласково обратилась к деду:

— Фёдор, молодая зелень пить хочет.

А Катя подбежала к дедушке и над самым ухом радостно прокричала:

— Велят воду подавать, воду!

— То-то, а я без них не знаю! — ответил дед и подмигнул девочкам: дескать, глядите, сейчас увидите, какой я дождь пушу.

Взяв в зубы трубку и приняв гордый вид, Фёдор без усилия повернул колесо винтового крана.

Девочки услышали, как вода с шумом хлынула в трубы, а затем, разбежавшись во все стороны, вырвалась наружу, заструилась, взлетая вверх фонтаном, искрясь и сверкая на солнце. На всём протяжении труб появился дождь.

— То-то, вот он, свой дождь при ясном небе...

Все радовались. Ещё бы, такое пришло облегчение! А Катя и её подруги Ляля и Таня от радости проскакали по всему огороду на одной ноге, приговаривая:

— Дождик, дождик, дай воды — уроди нам бобы и красные маки!..

Катя и домой заявила радостная. Мама её сидела задумчивая.

— Отчего ты, мама, такая?

— Да вот, Марфу Ивановну посылают на курсы, а меня хотят поставить бригадиром. А что ты скажешь?

Катя всплеснула руками:

— Вот хорошо! Моя мамочка — бригадир!

— Хорош бригадир! Счёт-то веду я не бойко. Может, ты мне будешь помогать? — Она испытующе посмотрела на дочку.

Катя с готовностью подвинулась к маме:

— Ну что ж, помогу!

Теперь домой мать приходила поздно. Когда она раскладывала на столе бумаги, к ней подсаживалась Катя с очиненным карандашом в руке.

Мать спрашивала:

— Так ли, дочка?

— Сама ты всё, мама, знаешь. Мне тут и делать нечего.

— А ты сиди да перенимай — бригадиром станешь!

МЛАДШАЯ СЕСТРА

Если бы вы знали, как Надя сегодня устала! А руки у неё жёлтые, и пахнет от них нивесьть чем. Мама велит ей вымыть руки, вымыть с мылом, и садиться за стол ужинать, а ей не до ужина. Усталость валит с ног.

Прилегла она на постель в сенцах и закрыла глаза.

Бегала Надя в лес за крушиной. Ребята скоблили кору, и она скоблила. У ребят ножи острые, а у неё тупой, как жестянка. В школе говорили, что кору нужно высушить и слать в аптеку на лекарство.

С поля позднее всех пришла домой сестра Уля. Пришла скучная, неразговорчивая.

Наверное, Надя скоро бы уснула, да услышала, как в доме папа и мама о чём-то заспорили с Улей.

«О чём это они спорят?» подумала Надя.

В окнах погасли последние отблески зари. В сенях и в гор-

нице стало совсем темно. Нужно немножко поспать, а то скоро утро: папа наденет тяжёлые сапоги и уйдёт работать в МТС, а мама уйдёт на ферму дробить жмых для коров.

Надя сквозь дрему услышала, как Уля подошла к своей кровати и стала раздеваться.

Когда Уля ложилась спать, она всегда младшей сестре говорила что-нибудь ласковое или спрашивала её о чём-нибудь, а на этот раз промолчала. Наде стало очень жаль Улю. Она тихонько перебралась к ней на кровать:

— Я полежу с тобой.

— Полежи, — ответила Уля и прикрыла плечо сестрёнки одеялом.

— Я всё слышала. Папа тебя ругал, а мама за тебя, и я за тебя.

— Папа не ругал. Откуда ты взяла?

— Я слышала, всё слышала! Самое вредное насекомое — блошка. Хочешь, мы тебе поможем?

— Как же ты поможешь?

— Не я одна. Один человек ничего не сделает, и два человека ничего не сделают, и три, а если все ребята придут в поле... Сусликов-то мы выловили!..

— Глупая ты! — с огорчением ответила Уля. — Сусликов-то, может, с десяток, ну два, три десятка, а блошки на льне — их миллионы...

— Ой, как много! Что же теперь делать?

Миллион в Надином понятии — неисчислимое множество. Блошки сожрут молодой лён, переберутся на землянику, на малину, на смородину... Она не знала, что это насекомое пожирает только молодой лён.

Озабоченная девочка тревожно повернулась с боку на бок, да так и уснула на кровати сестры. И во сне ей всё виделась эта блошка, чёрная, пузатая. Ползёт и ползёт, а потом раздулась словно майский жук, отрастила крылья, поднялась и зажуужжала.

Утром Надя проснулась, а Ули нет, и мамы нет, и папы нет. В окне за занавеской гудит шмель: дззз... дззз...

Давно ли все ушли из дому? Папа и Уля, наверно, ушли чуть свет, а мама ушла недавно: на столе ватрушки ещё не остыли, горячие.

Надя открыла оконную раму, выпустила мохнатого шмеля: — Лети! Надоел! «Дзы, дзы»!..

Когда она открыла окно, то поняла, что утренней прохлады совсем уже нет и росы на молодой зелёной траве нет. Солнышко так и припекает. Почему Уля её не разбудила? Не верит, что ребята ей помогут. Надо скорее разыскать их.

* * *

На бегу Надя съела ватрушку, вытерла ладонью рот, а заодно вытерла и нос. Пробегая улицей, спустилась на шаткие, в две жёрдочки, мосточки, переброшенные через овраг, и очутилась на той стороне. Закрывшись рукой от яркого солнца, осмотрелась вокруг. На улице она никого не увидела и очень расстроилась.

«Куда запропали? Всегда здесь играют в городки, а то гоняют мяч».

Припрыгивая, она пробежала всю улицу до самого края. Там плотники артельно поднимали гладко выструганные брёвна, возводили стены — кому-то из колхозников строили новый дом. Ребята любят толкаться там, где строят, но и здесь их не было. Вот какая досада!

Обратно Надя бежала ещё быстрее, размахивая руками. На спине болтались косички. Спустилась опять к тем же шатким, прогибающимся мосткам через овраг. Тут-то она и увидела на дне оврага ребят:

— Ой, а я вас и не заметила! Чего это вы там?

Ребята, занятые своим делом, не ответили ей. Надя вихрем слетела вниз по уступам. В пересохшем овраге кое-где из-под больших серых камней сочилась вода. И такая водица студёная — ступишь босой ногой и не обрадуешься.

По всему оврагу растут осины, мелкий ивняк, да черёмушка, да ещё лопух. Ребята тем и заняты были, что вырезали ивняк да молодые, гибкие черёмушки.

— Куда это столько? — спросила опять Надя, уже весёлая.

— Тебя сечь будем! — озорно ответил паренёк с загорелыми дочерна руками и ногами. Собирая срезанные прутья, он связывал их в пучок.

Надя не придавала значения шутке и сразу затараторила о своём:

— Ой, сколько времени я вас искала! Надо-то ведь скоро! Пойдёмте в поле. Блошка на льне появилась — целый миллион, вот сколько! Уля сказала: вот бы ребята помогли! Сусликов-то мы на пшенице выловили...

— Никуда мы не пойдём. Видишь, на корзины дубцы режем, — сказал мальчуган, остриженный под нулёвку.

— Дядя Василий Коромыслов научит нас корзины и верши плести, — сказал другой паренёк.

А Надя о своём:

— Корзины и верши плести всякий раз можно, а блошка разведётся — весь лён загубит. Ведь её там целый миллион, а то ещё прибавится, да ещё...

— Сказала тоже! Не видала, не считала, а говоришь...

— А вот видала, считала и говорю! Уля просила помочь, а вы так-то?..

Она закусила губу, нахмурила чёрные брови, посмотрела на всех исподлобья.

А ребятам не до неё, они увлеклись своим делом: выбирают из кустов дубцы, тонкие, длинные и гибкие. Срезают под корень. Помогают им девочки — Паня и Оля.

— Я вам говорю, а вы не слушаете! В поле-то нас ждут!

Надя с обидой вырвала дубцы из рук у мальчонки, остриженного под нулёвку, и бросила их в самую низину, в крапивник.

— Ну, ты не очень-то разорайся тут! — замахнулся на неё мальчонка.

— Тронь только! Тронь! — Девочка вспыхнула.

— Вот и трону! Сама в крапиву полетишь...

— А вот и не тронешь!

Мальчонка сердито прищурился, сжал кулаки. Паня и Оля

тут же за Надю заступились: ведь они подружки, поди-ка тронь которую...

Ребята на шум вышли из кустов. Надя села на камень и неожиданно от досады заплакала:

— Кору крушины я скоблила, кротовины заливала водой, камни и щепу собирала на лугу, а вы со мной не идёте Уле помочь блошку вылавливать!..

— Она, наверно, врёт, — сказал паренёк с загорелыми дочерна руками и ногами.

Тут опять заступилась за Надю Паня:

— Ну да, врёт! Она никогда не врёт... Вот блошка сожрёт лён-то...

— Пойдёмте поглядим, — сказал Миша Лепестков.

Надя вытерла слёзы и оживилась. Она знала: если Миша так скажет, будет дело. Он ведь вожатый звена в школе.

* * *

Уля ещё с рассветом подняла с постелей своих подруг-комсомолок, и девушки пошли в поле, навстречу солнцу.

Небо высокое, голубое, а по нему плывут белые облака, предвещающая ясную погоду.

Блошке была объявлена война.

Ещё с вечера поехали в город, привезли оттуда в пакетах отравы — кремнефтористого натрия; в бочках привезли золы.

Стали думать, как бы всё это распылить по участку льна. А участок что вправо, что влево — глазом не окинешь.

На такую войну много нужно воинов. Иван Николаевич, председатель колхоза, обещал прислать им на помощь женщин из огородной бригады, как только там управятся с рассадой. Но ждать нельзя.

Пока Уля, хмуря чёрные брови, обдумывала, как лучше это сделать, где раздобыть побольше народу, младшая сестра Надя и привела девочек и мальчиков.

— Ой, ребятунки мои хорошие, помогите! — обрадовалась Уля.

А ребята, присев на корточки, первым делом захотели раз-

глядеть блошку, какая она есть. А блошка эта — синенькая, с просяное зёрнышко, тени и той боится.

— Тише, не шевелитесь! — сказал Миша Лепестков и занёс было руку, а блошки — прыг в разные стороны! И нет их: попрятались.

Много ли такому насекомому нужно на обед! Но, как узнали ребята, беда-то вот в чём: блошка эта пожирает семядольные листочки. Сожрёт чуть-чуть, а растеньице гибнет.

И вот начался бой...

Мальчики вырубili в ближнем лесу длинные шесты и гладко их обтесали. Из конюшни приволокли несколько дерюжек. Эти дерюжки смазали дёгтем. На дороге загребли в лукошко пыли — набивать ею мешочки.

Девочкам Уля дала свёрток марли. Они присели тут же на меже, стали кроить и сшивать из марли мешочки. Надя и её подружки Оля и Паня умели шить мелкими, аккуратными стежками.

— Девочки, делайте скорее! — торопила Надя. — Ты, Паня, копошишься, не умеешь узлы завязывать. Дай я тебе покажу!

— Ну покажи.

Надя показала, как нужно завязывать узлы, как откусывать нитку зубами.

Втроём они скоро нашли нужное количество мешочков. А другие девочки совками поддевали из кадушек золу и туго набивали мешочки.

Миша Лепестков был специалист по вылавливанию сусликов, но и с блошкой знал что делать. Ребята во всём его слушались.

— Нанизывайте мешочки с золой на шесты! — сказал он. Мешочки нанизали.

Уля расставила ребят по бороздам, и они пошли вдоль полос, слегка потряхивая шест и постукивая по нему палкой. Чуть заметная пыльца рассеивалась из марлевых мешочков и оседала на молодые всходы льна.

Так же рассеивали и кремнефтористый натрий. Только это

делали старшие девушки; чтобы не надышаться отравы, нос и рот завязали марлевыми косынками.

С другой стороны поля ребята вылавливали насекомых на дерюжки, густо смазанные дёгтем, волоча их по верхушкам всходов.

Когда на участок льна приехал на шустрой лошадке председатель колхоза Иван Николаевич, он сразу оценил усердие мальчиков и девочек.

— Молодцы! — сказал он, сдвинув на затылок фуражку и утирая ладонью вспотевший лоб.

— Можете, Иван Николаевич, не присылать женщин из огородной бригады! — весело ответила Уля.

* * *

Когда Надя пришла домой, мать её не узнала:

— В чём ты увозилась? Что руки, что ноги — глядеть на тебя не хочется!

— В поле была, Уле помогала. Нас много!

— Умойся да причешись. Платье смени. Работники!

— Иван Николаевич сказал нам: молодцы.

Всем в доме стало весело. Уля принесла с поля букет цветов. Это первые, недавно распустившиеся цветы. Они пахнут весной, и от них веет прохладой.

Уля весёлая, всем улыбается, а на полных щеках у неё от улыбки ямки. И у Нади от улыбки на щеках такие же ямки. Поглядеть на них — каждый скажет, что это сёстры.

Когда в доме всё хорошо, папа, каким бы усталым он ни пришёл с работы, помогает маме готовить вечерний чай.

— Кто это так вычистил самовар? Глядеться в него можно, как в зеркало, — сказал он.

— Соседка, — ответила мама.

— Нет, соседка так не сумеет. Кто-то другой это сделал, — сказал папа и переглянулся с мамой.

Надя всё понимает: почему папа об этом спрашивает и почему мама так отвечает. Это работа Надиных рук, и разговор затеян для того, чтобы её похвалить.

К чаю на столе появились медовые пряники, варенье — ну как в самый большой праздник! В папином стакане две черносливины, в маминой чашке и в Улиной чашке тоже по две черносливины, а в Надиной чашке три черносливины.

Уля свой чернослив переложила в Надину чашку.

— За что это ей? — разглаживая короткие усы, спросил папа.

— Она знает за что, — ответила Уля, подмигнув сестрёнке.

В ЖАРКИЙ ДЕНЬ

На речной паром с утра прибежали две девочки и затаились за возами, ожидавшими переправы.

— Ты прячься за меня, а я — вот за это колесо. Да не зевай! — сказала Юля своей подружке Варя, тихонько ткнув её в бок локтем.

А Варя и без того знает, как нужно прятаться, чтобы никто не увидел. Прятаться — дело не мудрёное. Она прижалась к горячему плечу Юли и затаила дыхание.

Отсюда они уже ничего не видели, кроме оглобель, ошинованных колёс да лошадиных ног, бьющих острыми подковами по дощатому настилу. Нагружённый паром, ещё не трогаясь с места, хлюпал на воде, скрипел и кренился то в одну, то в другую сторону.

— Ой, как страшно-то! — оробев, сказала Варя и ещё плотнее прижалась к подруге.

— Не бойся, — ответила Юля. — Паром сейчас отчалит. Только бы не увидел нас дядя Куприян.

— А если увидит?

— Увидит — прогонит. В жару он бывает злой, я знаю...

А у дяди Куприяна, главного переправщика на пароме, много дел. Где уж тут доглядывать за посторонними! Он сигналил, он управляет рулём, он снимает причальные тужи и он же осипшим от речной сырости голосом подаёт команду:

— Пшё-о-ол вперёд! Полный!

«Тах-тах-тах...» застрекотал мотор, пуская кудрявый дымок. Вылезая из воды, лязгнула на звеньях цепь, натянулась, и паром, качаясь, погнал по реке большие волны. Переправщик так и не увидел девочек. За колёсами телег они просидели, пока паром не причалил к тому берегу.

А следующим рейсом сюда переправились доярки на широкой телеге, нагружённой бидонами и подойниками. Юля и Варя, переждав в кустах, вышли им навстречу.

— Вы ещё зачем здесь? — тотчас же услышала Юля недовольный голос своей мамы.

Девочки, взявшись за руки, стояли у дороги, потупив глаза.

— Мы хотим на теляток поглядеть, — застенчиво сказала Варя.

А Юля рассердилась, даже покраснела:

— Берите нас с собой, вот и всё! Сколько раз обещали, а не берёте! — На глаза у неё набежали слёзы.

Дояркам пришлось остановить лошадь. Юлина мама, поправив на голове сбившуюся косынку, сказала:

— Забота с вами! Ну, залезайте на телегу, что ли.

Юля, а за ней и Варя мигом со ступицы колеса взобрались на грядицу. Вот они и в телеге, счастливые, повеселевшие. Вороную лошадь стегнули. Телега, бренча посудой, покатила дорогой между кустов.

Трясаясь в телеге, доярки говорили о том, что в лугах растут хорошие травы, что жаркие дни на пользу, только бы перепали дожди. Ох, как нужен корм скоту!

Когда отъехали немного, Юлина мама стала добрее и уступчивее:

— Ну, садись уж со мной рядом! Куда бы ни пошли, всё они вдвоём, словно связанные.

Юля, утерев короткий, в веснушках нос, села, а Варю посадила рядом другая доярка. У Вари мама работает не на ферме, а в полевой бригаде.

— Где же вы платья вымазали? Смотрите, да ведь это у вас на платьях колёсная мазь!

— Мы на пароме под телегой сидели, чтобы дядя Куприян не увидел. Он и не увидел, — ответила Юля.

Варя кивнула головой.

— За это вам надо шлёпанцев надавать. В полдень, в жару, узнаете, как там хорошо. Или на быка нарвётесь — рога-то у него, как штыки.

Варя перетрусилась. А Юля ей шепнула:

— Не бойся. Мама это нарочно говорит, пугает. Я её знаю...

* * *

Луг просторный, зелёный, весь в цветах. И тут же, рядышком, перелесок белоствольных берёз. Набухшие берёзы раскинулись листвою, как шатры, сучьями сплелись и не пропускают знойное солнце. На этом лугу и устроен летний лагерь для племенных коров. Выгнали сюда их пастись на всё лето.

Здесь, у берёз, стали снимать с телеги бидоны и подойники. Юля и Варя спрыгнули на землю.

— Далеко не убегайте. Искать не будем. Одни с вами хлопоты! — сказала Юлина мама.

А куда же убежать девочкам? Самое интересное — в этом перелеске. Нагулявшиеся коровы шли в загон. А сколько их — не счесть! Загон крыт толем. Пол в загоне посыпан речным песком и галькой. Столбы гладко выструганы и побелены известью. В кормушки навалили молодой, только что накошенной вики.

Началась дойка. Запахло парным молоком.

У Юлиной мамы породистые коровы — ярославские, чёрные, как жуки, а морды у них белые, словно они повязаны платочками. Юля знала всех-всех маминых коров: зимой не

раз ходила с ней на ферму. С гордостью она стала рассказывать своей подруге:

— Вот эта — Солониha, старая! Ты знаешь, сколько она даёт молока?

— Много, — ответила Варя.

— Много, а сама не знаешь сколько. Видишь, вымя у неё какое... А вот эта — Сильва, её дочь. Тоже много даёт — целый бидон...

Чтобы никому не мешать, они тихонько пробирались вдоль стойла. Коровы отмахивались хвостами от мух и слепней. А когда Варя зазевалась немного, какая-то корова её тоже стегнула хвостом.

— Не зевай! — сказала ей подруга.

Юлина мама с подойником подошла и к Солонихе. Подмыла ей вымя, вытерла полотенцем и, присев на скамеечку, стала перебирать набухшие молоком соски. Девочки тут же присели на корточки и стали смотреть, как пенится и прибывает молоко в ведре. Им тоже хотелось подоить. Юля потянулась было к вымени коровы, но мама её не разрешила.

А тут где-то рывкнул бык. Варя так и задрожала, а Юля сказала:

— Пойдём посмотрим на быка! Не бойся — он на привязи.

— Что ты, что ты! — завопила Варя и замахала руками.

Юля не забоялась. Обежала кругом ветвистое дерево, к которому был привязан здоровенный бычище. Чёрная шерсть на нём лоснилась. Чтобы не очень-то он озоровал, через губу продели ему железное кольцо. Бычина скоблил ногой землю и, захлёбываясь, мычал.

— Тебе жарко! — сказала Юля и помахала над его мордой берёзовым веником.

Бык упёрся широким лбом в дерево.

— Юлька, отойди, а то зареву! Скажу твоей маме!

— Не отойду!

— Говорю тебе, отойди!

— А я не отойду!

Юля ещё на шаг подалась вперёд. Варя от страха зажмурила глаза. А бык ходил, ходил вокруг суковатого дерева, да и запутался передними ногами в верёвке. Запутался и упал на колени. Воткнул рога в землю и ещё громче мыкнул.

Тут и Юля испугалась, закричала:

— Варька, беги! Скажи — бык-то завалился... Скорее беги!

— Куда бежать-то?

— Туда!

Варя пустилась бежать в сторону загона во всю силу, как только могла. Сказала там — и опять к Юльке.

И, будто назло, медленно, шаркая ногами, шёл к ним пастух дядя Василий, в жилетке и войлочной шляпе. Вот досада! Зачем-то ещё нагнулся, поднял что-то, понюхал и отбросил. Следом за ним появился большой лохматый пёс Трезор.

Бык свирепо косился покрасневшим глазом. Дядя Василий подошёл к нему, похлопал рукой по жирному загривку, по морщинистой шее и сказал:

— Не стойся тебе смирно-то, всё бы блажь выказывать, землю ворочать...

Потрогал у него кольцо в губе, высвободил в ногах верёвку, и бычина опять поднялся на ноги. Девочки с облегчением вздохнули: думали — его уведут в хлев, чтобы покормить. А дядя Василий тут же сел на пенёк у куста и не торопясь стал вить кнут из льна.

Дядя Василий вьёт и что-то непонятное напевает. У ног пастуха, положив голову на вытянутые лапы, улёгся Трезор. Одним глазом пёс дремлет, а другим поглядывает: дескать, откуда и зачем появились здесь две девочки? Нельзя ли на них поурчать?

— Дядя Василий, куда вы загнали телят? — спросила Юля.

— Телят-то? — переспросил пастух. — Телята у меня на покое.

— Можно посмотреть на них?

Пастух не ответил и продолжал напевать что-то непонятное. Девочкам хотелось дёрнуть его за шляпу или за жилет, чтобы он рассказал им что-нибудь о телятах, а пастух занялся своим кнутом: всё вьёт его и вьёт — а он длиннющий — и в самый конец вплетает волосянку.

Юля и Варя разговаривают с дядей Василием, а сами с опаской поглядывают на Трезора, на его ощеренную пасть и высунутый язык.

— Какой пёс большой! Юлька, отойди, а то тяпнет! — беспокоится за подругу Варя.

А Юле не терпится, хочется поговорить с пастухом:

— Дядя Василий, твой Трезор не кусается?

— Как сказать, может и того...

— А что это он язык высунул?

— Язык-то? Жарко ему, вот и...

Девочки обрадовались, что пастух заговорил. Они опять о своём:

— Мы на теляток хотим поглядеть.

Дядя Василий ещё долго был занят своим делом, а потом кнутовищем указал в сторону леса:

— Телята — с того края березняка. У них свой загон. У коров — свой, а у телят — свой.

* * *

В подлеске, куда указал пастух, Юля и Варя разыскивали телячьи домики. А домики такие: с крышами и кормушками. У телят даже своя кухня. Девочки пришли в тот час, когда одна из телятниц, тётя Даша, подогревала им пойло. И так-то жара невыносимая, а она стоит у плиты и не уходит, только фартуком утирает с лица пот.

— Что это за девочки к нам сюда забрели? Не из леса ли какие заблудшие? — спросила тётя Даша.

— Нет. Мы на телят пришли посмотреть, — ответила Юля.

— Мы им травы нащиплем, — сказала Варя.

Но телятам травы не нужно. Они уже нагулялись, и теперь тех, которые поменьше, поили молоком, а остальных — просто-

квашей. Тётя Даша утирала им мордочки, а они смешно отфыркивались.

— Спать, спать! Ступайте в свои хлевы! — прогоняла их тётя Даша. — А то солнце вас доймёт. Слепни закусуют....

Юля и Варя гладили телят, чесали под горлом то у одного малыша, то у другого. Все они уродились в своих мамок: сами чёрные, а мордашки белые. А название у каждого своё: Стрекоза, Сорванец, Задира...

Девочки, не теряя времени, заглянули и в хлевы. Полы там были деревянные, стены и потолки побелены. На столбике висел градусник.

— Гляди-ка, Варя, на полу сор. Давай уберём! — предложила Юля.

— Давай! — согласилась Варя.

Тут же, в подлесе, они наломали берёзовых сучьев, на скорую руку связали, и получилась метёлка. В углу хлева нашили скребок. Юля взялась за метлу, а Варя — за скребок. На ум пришла им забавная песенка:

Подметаем и скребём —
Удаляем мусор!
Уберёмся и придём:
— Кому ещё нужны?..

Тётя Даша заглянула в хлев и диву далась: как у девочек всё ладно получается! Сразу они увидели, где плохо-то — половицы продрали добела.

— Почаще бы вы здесь бывали! — сказала телятница.

— А чего делать?

— Найдутся дела. С вами веселее.

— Придём, — ответили Юля и Варя вместе.

* * *

Тишина, даже не слышно птиц.

Разомлев от жары, девочки еле бредут. Говорить им ни о чём не хочется. В ушах так и звенят кузнечики. А солнце па-

лит и палит, нет от него спасения. Ветерка бы, да где же его взять! Посидеть бы в тени, да нельзя: как бы не стала их искать Юлина мама.

Варя шла, шла и тут же прилегла на мягкую траву. Раскидала руки:

— Я попить хочу.

— Давай нарвём щавелью и поедим — пить не захочется.

— Давай.

А когда Варя сорвала высокие столбцы щавеля и, морщась, разжевала, Юля засмеялась:

— Что ты, выплюнь! Это конский щавель, он невкусный.

Тут они нашли несколько матрёнок, сочных, душистых, и с аппетитом съели.

— Давай клевер сосать — там мёд! — предложила Юля.

— Давай! — Варя была всему рада.

Сорвали клеверные головки и, выщипывая лепестки, сосали. Но мёду в них было так мало, что девочки едва ощущали его вкус.

— Мёд весь собрали пчёлы и шмели! — с досадой сказала Варя.

Юля сорвала пышный одуванчик, а когда Варя подошла к ней, она подула, и в руке у неё осталась одна лишь плешивая головка от цветка.

Варя опять присела было на траву. Но Юля сказала:

— Выйдет кто-нибудь ещё из леса...

И трусливая Варя поверила ей. Пошли они попроворнее. Юля впереди, а Варя за ней.

Доярки, закончив дойку, парное молоко в бидонах спускали в погреб, на лёд, а со льда брали бидоны с утренним удоем и ставили их на широкую телегу.

— Вот они, наши девочки-то! Угостите их холодным молочком, — сказала одна из доярок.

Юлина мама стояла на дне погреба, принимала бидоны и размещала их. Ей передали большую кружку:

— Налей-ка им молочка, да попопнее. Замучились они...

Юля попила из кружки холодного молока, дала Варе. Ва-

ря попила, отдышалась, ещё попила и отдала Юле. А Юля пила, пила и опять передала кружку Варя.

— Ещё, — еле отдышавшись, попросила Варя.

Налили ещё кружку, до самых краёв. Молоко вкусное, прохладное, только в жару такое молоко и пить. Сразу вся усталость прошла. Опять захотелось бегать, собирать цветы и плести венки.

— Ну, а теперь к дому! — сказала Юлина мама.

Подвода, нагружённая бидонами, пошла к переправе. Пастух, намотав кнут на плечо, как обруч, провожал их. Провожал и Трезор, виляя хвостом.

Доярки пошли следом за телегой, покрыв головы косынками. Юлина мама пыталась было запеть какую-то песню, но ей никто не подтянул. То ли дело утром или вечером, а в полдень не до песен — все изнемогали от жары.

В такую жару и на переправе никого не оказалось. Дядя Куприян и паренёк-моторист тоже скрылись в землянке, вырытой в крутолобье горы.

Как подошли к реке, женщины одна за другой бросились в воду. Из воды уже весело кричали:

— Подавай, Куприян, да не очень торопись!..

Дядя Куприян, босой, с высоко подсученными штанами, погнал паром порожняком, а доярки в это время весело и беззаботно купались.

Раздевшись, вошли в воду и девочки. Юля умела уже плавать: хотя и не очень-то уверенно, но держалась на воде. А Варя только училась. Не будь она такая трусиха, давно бы плавала, как Юля.

— Давай я тебя заведу где поглубже, — предложила Юля.

Варя отказалась, и стала окунаться у самого бережка, уцепившись руками за какую-то корягу.

Паром прибыл. Куприян завёл уже и лошадь на дощатый настил, а женщины всё купались и купались.

— Эй, будет вам! — кричал он на них.

А доярки всё плавали в чистой, прохладной воде. Им не хотелось вылезать. Переправщик не унимался:

— Отчалию! Вот, право же, отчалию!

Заработал мотор. Одни из доярок успели одеться в кустах и, свежие, помолодевшие, взобрались на паром, а другие не очень-то испугались: сделав из платьев чалму на голову, вслед за паромом пустились они пересекать реку вплавь.

Юле и Варе теперь незачем прятаться от дяди Куприяна, они стоят с ним рядышком у руля. Но Юля боится за маму: её мама, помахав рукой дояркам, осталась за бортом парома.

— Ой, мамочка, поди сюда скорее! Ой, куда ты от нас уплываешь!

А Варя её успокаивала:

— Не бойся, видишь — твоя мама хорошо плавает.

Юля не унималась:

— Мамочка, поди на паром! Плыви сюда, плыви, я подам тебе руку!

Паром ещё не причалил к берегу, а доярки за Юлиной мамой переплыли реку, вышли на берег, успели одеться и приняли от переправщика причальные верёвки.

Юля бросилась на шею матери и крепко-крепко обняла её. А Варя сказала:

— Вот так бы научиться нам плавать!

СЛУЧАЙ С ПЧЁЛАМИ

Пошли ребята всей компанией в лес за земляникой. У кого в руках жестяная банка, у кого стакан, у кого маленькая, из бересты, корзиночка. Идут, как водится, разговаривают.

Смуглый с лица паренёк — Стёпа рассказывал, как много видели они с сестрой на молодой сечи ягод:

— Трава высокая, густая! Раздвинешь её, а там ягоды — словно бобы, крупные, ядрёные...

— Сеча далеко, туда за день только дойти, — перебил его один из мальчиков, Вася. — Мы и здесь, по роще, наберём.

Только стали они подходить к реденькому окрайку леса, как вдруг услышали: вверху что-то загудело. Оглянулись и от испуга присели: над их головами вихрем пролетела туча пчёл.

— Это молодой рой отделился! — закричал Стёпа. — Вот, глядите, он где-нибудь в лесу привьётся.

— Пчёлы эти с нашей пасеки. Прозевал дядя Гриша, — высказал догадку Вася.

Ребята сразу поняли, что им нужно делать. Стёпа передал свою банку самому маленькому из компании, Вовке.

— Держи, — сказал, — а мы погонимся за пчёлами. Ты, Васюк, беги на пасеку к дяде Грише. Скажи ему об этом.

— Ладно, — согласился Вася и что есть силы пустился бежать обратно в деревню.

Маленький Вова держал в обеих руках банки, да стаканы, да берестяные корзинки. Сел на бугорок, вытянул ноги, свалил это добро в кучу и чуть не заплакал. Ему тоже хотелось бежать за пчёлами, но побежали мальчишки постарше.

За берёзами и осинами, если миновать небольшую луговину, начинался мелкий ельничек и сосняк, а там можжевельниковые кусты. Здесь никто никогда и не ходил. Ребята бежали вслед за Стёпой.

А пчёлы покружат немного у какой-нибудь ёлки или сосны и опять летят. Начались заросли мелкой ольхи и шиповника. Ольха-то ничего, мягкая, а шиповник только что отцвёл и выпустил колючки. Они вонзаются в руки и ноги; недоглядишь — исцарапаешься в кровь.

А тут канавы да овраги, и опять же в зарослях. Стёпа не усмотрел и кубарем покатился вниз. Только и успел крикнуть своим товарищам:

— Держитесь правее! Здесь «чортово логово»...

В лесных оврагах, как известно, ничего не растёт, кроме жгучей крапивы. А крапива высокая, под самый подбородок!

Товарищи помогли Стёпе вылезти из оврага. Теперь бежали они врассыпную, аукались и свистели, чтобы не отстать и не потеряться.

Пчёлы совсем было угнездились на одной из берёз, но кто-то им помешал — дрозды, что ли. Они отдохнули немного и полетели через болото. Ребята не упускали их из виду. Погнались болотом, а там в осоке оказалась вода. Спугнули здесь стайку чирков, те взмыли над ивовыми кустами.

Опять Стёпа кричал:

— Здесь тина, дна нет, выбирайтесь влево!

Обогнув болото слева, ребята прыгали с кочки на кочку, перебирались по жёрдочкам.

Запахло гарью. В жаркое время в лесах всегда пахнет гарью. Может, где подпалили муравейник величиной с копну. Горит он без огня, распространяя по всему лесу дым. А может

быть, где-то в пересохшем болоте огонь буравит торф, и пожары эти никто не тушит: водой их не зальёшь и землёй не засыплешь. Ждать нужно хорошего ливня.

— Слышите, понесло дымом? — на минуту остановившись, сказал Стёпа.

— Слышим, — ответили ему.

— Пчёлы дыма не любят. Глядите — где-нибудь сейчас сядут...

* * *

Колхозный пчеловод дядя Гриша ходил по пасеке в больших валенках и косоворотке, подпоясанной ремешком ниже живота. Осматривал то один улей, то другой. А ульев много, сразу и не счесть. Над загородью стоял неумолкаемый шум. Пчёлы были встревожены, а пасечник не знал, чем они встревожены.

Вася издали закричал:

— Дядя Гриша, дядя Гриша, у вас рой слетел!

А дядя Гриша, занятый делом, ходит себе похаживает. Тогда Вася кругом обежал загородь и юркнул под тесовый навес, где хранится всякий инвентарь: бочки для воды, медогонка, весы.

Пасечник ходил без сетки. Пчёлы к нему привыкли и его не кусали. Кто другой зайдёт сюда — гляди-поглядывай. Ничего не бери и своего не оставляй. Пчёлы только и ждут растяп, да разинь, да ещё тех, кто цыгарку закурит. Тогда пеняй на себя...

— Дядя Гриша! Рой слетел. Что же, вы меня не слышите? — погромче крикнул Вася.

Пасечник услышал, недоуменно пожал плечами:

— Где же ты видел рой?

— В лесу. Ребята за ним погнались, а я прибежал вам сказать.

Сбивчиво стал Вася рассказывать, как они увидели пчёл, как ребята погнались за ними, а он сюда...

Пасечник сбросил с ног валенки. Захватили они сетки, роевню, ковш, дымарь и побежали по выкошенному лугу.

— С утра за ним следил, да и не уследил... Ах ты, дела какие! — ругал себя дядя Гриша.

С краю подлеска ожидал их Вовка.

— За ельник улетели пчёлы, — сообщил он.

Вася передал Вовке сетки и дымарь, а сам взял из рук дяди Гриши роевню, чтобы ему было полегче.

У пересохшего ручья их ждал другой паренёк — Павлик.

— За пустошью скрылись. Туда бегите. Да скорее, а то улетят и дальше! — кричал Павлик.

У дяди Гриши в руках ничего уже не было, весь груз несли ребята, а ему всё тяжело и душно, рубашка прилипла к спине.

— Куда, негодные, улетели!.. Как это я прозевал?..

Пришлось им пробираться пустошью, обходить «чортово логово» и топкое болото, перебираться по шатким жёрдочкам, переброшенным с кочки на кочку.

— Сюда, бегите сюда! Здесь! Скорее! — кричали ребята в один голос, увидев дядю Гришу.

На поляне одиноко стояла большая ёлка. Когда-то, должно быть, опалила её грозовая молния, и теперь она с вершины медленно чахла, умирала. На ней и пристроились пчёлы, повисли на подсохшем суку. С каждой минутой ком пчелиный всё увеличивался. Наконец образовалась висячая гроздь.

— Что же теперь делать? — спрашивали ребята, окружив старого пчеловода.

А дядя Гриша присел на поваленное ветром дерево, пахнущее смолой, и еле мог отдышаться. Грудь его усиленно вздымалась, а в горле что-то похрипывало и посвистывало. Он всё ещё бранил себя:

— Как же я недоглядел! Вот куда залетели! Вот угораздило их где прилепиться! Ну, да ничего, мы вас достанем...

— Дайте мне, дядя Гриша, — попросил Стёпа, готовый выполнить любое поручение.

— Мне, дядя Гриша! — просил и Вася. — Я мигом заберусь на самую вершинку.

Просили и другие ребята: «Мне доверьте, мне!» Пасечник, поразмыслив, сказал:

— Пчёлы, когда делятся, бывают сердиты. Доверяю я Стёпе, он постарше.

Стёпа надел халат, принесённый вместе с дымарём. С помощью дяди Гриши перевязал рукава. Это для того, чтобы пчёлы не могли заползти под одежду. Закрыв лицо сеткой и полез по сучьям на дерево.

— Откроешь роевню и стряхивай туда пчёл. Смелее! Забоишься — они тебя одолеют, — поучал пасечник. — Да гляди-поглядывай, чтобы матка туда же попала. Без матки рабочая пчела жить на новом месте не будет. Слышишь ли?

— Слышу! — отвечал с ёлки Стёпа.

Ребята, окружив ёлку, следили затаив дыхание.

Пчёлы гудели, вились над Стёпиной головой, а укусить не могли, потому что он весь был закрыт, только работали его руки да насторожённо глядели сквозь сетку глаза.

А Вася тем временем разжёл дымарь, наложив в него сухих гнилушек. Надел на голову другую сетку и полез на помощь Стёпе. Пчёлы стали было нападать на него, но он отпугивал их курившимся дымарём.

Стёпа что-то крикнул с самой вершины дерева. Пасечник не услышал. Ребята, оставшиеся внизу, пояснили ему, что Стёпа увидел матку.

— Ах, матку! Надо осторожно взять её ковшом, — сказал дядя Гриша.

— Матка в роевне, — опять сообщил Стёпа.

А ребята об этом доложили пасечнику.

— Хорошо, — ответил дядя Гриша. — Теперь слушай, Вася.

— Слушаю! — крикнул с дерева Вася.

— Тех пчёл, что ползают по стволу и по сучьям, подгоняй к роевне дымком. Попыхивай на них, только легонько.

Ребята не сводили своих быстрых глаз с вершины ели: а ну-ка сорвётся Стёпа или Вася?

Стёпа и Вася с роевней и дымарём слезли с дерева благополучно. Но подходить к ним было опасно: оставшиеся на воле пчёлы шныряли вокруг, грозя укусить в самый глаз.

или в бровь. Подошёл к ним только дядя Гриша. Он захлопнул роевню и облегчённо вздохнул.

— Теперь не опасно. Снимайте сетки, — сказал он ребятам.

Из леса пошли все на пасеку. Надо было помочь дяде Грише отнести пчёл.

* * *

За разговором ребята и не заметили, как дошли.

— Собрались по ягоды, а ягод-то не набрали! — с усмешкой сказал дядя Гриша, довольный тем, что удачно управился с пчёлами. — Надо вас угостить мёдом.

Он тотчас же сходил в омшаник, в котором зимуют пчёлы, и вынес оттуда в сотах много мёда, на всю компанию.

Стёпа перочинным ножиком разрезал соты на кусочки, и ребята стали есть мёд, облизывая пальцы.

А пасечник занялся своим делом: из роевни высыпал пчёл в новый, приготовленный для них улей и накрыл холстом. От солнца затенил улей ветками смородины и сказал:

— Нельзя улетать далеко! Живите в своём домике да побольше собирайте нам мёду.

ГРЕЧКА В ЦВЕТУ

Митя, шустрый белоголовый паренёк, безобидно прозванный сверстниками Седышом, всегда в курсе всех колхозных дел. Почему так? Да живёт он недалеко от большого пятистенного дома, что над прудом, где помещается правление.

Народ заходит в правление в течение всего дня, а в обед — тем более, когда можно застать председателя Михаила Васильевича.

В открытое окно Митя слышит телефонные звонки и бесперебойный разговор: «Алло!.. алло!..» А вечером, разыскав ребят у речки, передаёт:

— Эх, вот чего я знаю! Завтра пчёл повезут в поле на гречку. Велели Павлу Фёдоровичу, а он спрашивает: «Сколько семей?» А ему говорят: «Вывози хоть всю пасеку. Чем больше, тем лучше». Он говорит: «Нет, могу десять-двенадцать семей,

у меня и здесь взяток неплохой». А бригадир тётя Даша с ним поругалась: «Мало двенадцать семей. Давай двадцать, а то тридцать».

— Зачем же это пчёл вывозить в поле? В яблоневом саду им лучше, — недоуменно поглядев на Митю, сказал один из мальчиков.

— Ты не знаешь зачем? Для взятка, вот зачем! Гречка знаешь как зацвела! Сколь мёду на ней! Только собирай.

— Полно тебе хвастать-то! Не для этого пчёл вывозят в поле, — сдвинув светлые брови, сказал Павлик. — Вывозят для того, чтобы они опылили гречку. Сам говоришь: тётя Даша требует.

Тут ребята заспорили: одни доказывали, что пчёл вывозят на время цветения гречи для взятка мёда, другие — чтобы пчёлы, перелетая с одного цветка на другой, лучше опылили гречку.

— Ты, Седыш, слышал звон, да не знаешь, где он. Мёд собирать пчёлы везде могут, цветов — пропасть, — заявил Павлик и даже отвернулся, давая понять, что спорить больше не о чем.

— Спросите Павла Фёдоровича, спросите! Он скажет то же, что и я говорю.

— Павел Фёдорович скажет другое, — не оборачиваясь, сказал Павлик.

— Нет, скажет: для сбора мёда!

— Нет, для опыления!

— Нет, для сбора!

У самой воды, на горячем песке, вытянувшись лежал рыженький Бублик. Услышав спор, он вскочил и с визгом залаял.

— Возьми их, Бублик! — крикнул один из мальчиков, указывая на главных спорщиков — Митю и Павлика.

И в самом деле, кто же из них прав: зачем вывозят пчёл на зацветшую гречку? Какая нелёгкая работа для Павла Фёдоровича, потерявшего ногу на войне! Ведь вывозить-то их нужно ночью, по холодку, а то они кусаются.

На другой день всей ватагой ребята прибежали в поле. В поле привольно! Кувыркайся себе, прыгай через каждый куст. Кругом цветы, медовый запах. А то нанесёт волну запаха, как от мятного пряника. Солнце так и припекает, щедро разливая позолоту на густые травы, на придорожные заросли, в которых выют гнёзда пуночки величиной с воробья.

У самого леса, на одной из прогалин, ребята увидели выставленные ульи. Пчелиные домики со своей пасеки они узнали бы из тысячи.

— А вот он и Павел Фёдорович! — крикнул кто-то из малышей.

И верно: прихрамывая, ходил тут пчеловод. Из-под халата у него виднелись брюки военного образца. На голове — сетка.

— Спросим его? — предложил Митя.

— Всё равно твоя не возьмёт, — небрежно заметил Павлик.

Тут ребята увидели бригадира тётю Дашу. Она пробиралась вдоль полос к Павлу Фёдоровичу. На плечах её лежала лёгкая косынка. Она посматривала по сторонам. Куда ни глянет, кругом белый гречневый цвет.

Эх, сейчас бы ветерка — разнёс бы пыльцу с цветка на цветок! А его нет и нет. Не надо было сеять гречку близко к перелеску, лучше бы посеять её на взгорье, где дуют ветры. Понадеялись на пчёл, а что они сделают на таком огромном поле?

Так, наверно, думала тётя Даша, приближаясь к лесной полянке, где стояли пчелиные ульи. Остановилась, подсчитала пчелиные домики.

— Не вижу я твоих пчёл на цвету, Павел Фёдорович. Тебе велели двадцать ульев выставить, а ты сколько привёз? — спросила она.

— Не кричи и близко не подходи: пчёлы сегодня сердитые, — ответил Павел Фёдорович. — Вот они облетают все полосы, оглядятся, пообвыкнут и примутся за привычное им дело...

— Ты меня не уговаривай, не увещай! Тебе двадцать ульев велено вывезти. Выполняй распоряжение председателя Михаила Васильевича!

— Сам знаю, что делаю, — добродушно сказал Павел Фёдорович. — Мне ли мёд не нужен? Вот ночью ещё привезу десять ульев, а там, может быть, и ещё...

Отсидживаясь в кустах, ребята слушали разговор между бригадиром и пчеловодом. И когда Павел Фёдорович сказал: мёд нужен, Седыш, торжествуя, подпрыгнул и показал «нос» своим противникам:

— Понятно, для чего пчёл выставили? На чьей стороне правда? На моей!

Но разговор между бригадиром и пчеловодом не кончился.

— Соберём плохой урожай гречи — ты будешь виноват: пчёлы не справились с опылением.

Тут Павлик стал доказывать, что всё-таки он прав, он выиграл пари: пчёл вывезли для опыления цвета.

Из кустов ребята внимательно наблюдали за тётей Дашей: очень она смело подошла к ульям да ещё размахивает руками — вот ужалит её пчела!.. Так и случилось: тётя Даша вскрикнула, закрыла лицо косынкой и побежала прочь.

* * *

Куда могла деться тётя Даша? Должно быть, её сильно искушали пчёлы.

Ребята хотели бы подойти поближе к Павлу Фёдоровичу да поговорить с ним, расспросить его. Но пчёлы на новом месте кружились у своих домушек, сердито жужжали. Незнакомая обстановка их пугала. Жили они, жили в саду, собирали мёд с вишен да яблонь, со смородины да с малины и вдруг за одну ночь очутились где-то в поле, среди моря белых цветов.

В перелеске усиленно залаял Бублик на какого-то зверя. Он лаял отрывисто, нервно. Ребята побежали туда. Но оказалось — ничего интересного: нашёл пёс ёжика, только и всего. Ёжик фыркнул, и Бублик сразу поджал хвост, недовольно закрутил носом.

Ребята снова вышли на поле, но уже с другого конца. Здесь они опять увидели беспокойную тётю Дашу. А с нею пришли женщины и девушки из огородной бригады, принесли с собой верёвки. Пришёл сюда и дед Прохор.

— Приступайте, — сказала бригадир.

Женщины размотали верёвки на всю ширину загона, на верёвку навязали лент да тряпочек разных и ту самую верёвку потянули за собой вдоль полос по головкам расцветшей гречки. Пошли женщины и девушки пара за парой, а тётя Даша поучала, где и как нужно переходить с одной борозды на другую, как ступать ногами, чтобы не подминать стебли.

— Что это они? — удивлённо спросил Павлик.

— А я знаю, а я знаю! — поспешил отозваться Митя.

— Знаешь, так скажи.

— Измеряют поле с гречкой.

— Эк, хватил! — засмеялся Павлик.

— Ну, ты скажи вернее. Скажи!

Опять заспорили.

Тётя Даша позвала ребят поближе, пристально посмотрела на их босые загорелые ноги.

— Кашу гречневую любите? — спросила она.

Ребята недоуменно переглянулись: что это она такие вопросы задаёт?

— Если с маслом или с молоком, так вкусно, — серьёзно сказал самый маленький.

Тётя Даша рассмеялась; рассмеялись и ребята.

— Это, мальчики, мы опыляем гречку, — сказала она. — Нравится вам такая работа?

— Нравится! — хором ответили ребята. — А нам можно попробовать?

Правая щека и бровь у тёти Даши припухли, однако она не жаловалась, была весёлая, довольная. Дала мальчикам верёвки, указала, кому какой загон обойти. Освободила от этой работы деда:

— Ты, Прохор Саввич, ступаешь, как медведь, ниву зами-

наешь. То ли дело ребята! Ноги у них пряменькие да молоденькие, а бегают как проворно!

Ребята уж не такие простачки — понимали: бригадир хвалит их да подбадривает, чтобы они охотнее брались за дело, лучше работали. Думала, если их не похвалить, работать не будут.

Но ребята не из тех, чтобы на похвалу набиваться. Они понимали: таскать верёвку по головкам расцветшей гречки лучше их никто не сможет. А насчёт гречневой каши — гречневую кашу они тоже любят.

Шныряли ребята по бороздам, волоча за собой верёвку, весело покрикивали, подбадривая один другого: кто из них проворнее, кто придёт первым на концы полос. Бригадир у оставалось только наблюдать да указывать: по какому гребню пройти один раз, а по какому дважды.

— Не пора ли вам отдохнуть? — спросила тётя Даша ребят.

— Нет! Мы не устали!

Какой же отдых!.. А тут ещё появилась целая компания девочек. Собирали они цветы для школьного гербария, и им тоже захотелось побегать с верёвкой по полю.

Митя Седыш тянет верёвку за один конец, а Павлик — за другой.

— А ты ещё спорил! — сказал Павлик. — Я сразу сказал: для опыления.

А Митя Седыш ему своё:

— Это для опыления, а пчёл вывезли для сбора мёда.

Так бы они и спорили до завтра, а может быть, и до послезавтра, да приехал сюда в поле председатель Михаил Васильевич. Он привязал осёдланную лошадь к одиноко стоявшей у дороги берёзе и на ходу стал набивать табаком трубку.

Увидав его, тётя Даша похвалилась:

— Какие у меня помощники-то!.. А ну-ка, мальчики, пробегите ещё разок да пригните растеньица в другую сторону. Туда-сюда, туда-сюда, вот и подружится цветок с цветком.

Председатель тоже похвалил ребят. Узнав, о чём они спорят, заодно и спор их разрешил.

— Пчёл мы вывезли сюда собрать мёду побольше, — сказал он, посмотрев на Павлика. — А когда пчёлы перелетают с цветка на цветок, греча лучше опыляется, — посмотрел он и на Митю Седыша. — Значит, то и другое хорошо.

— А зачем тогда мы тянем по головкам цветов верёвку?

— Одно другому не мешает. Хорошо гречка опылится — урожайнее будет, — ответил Михаил Васильевич, щуря от солнца глаза и попыхивая трубкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Прибава "!"	3
Свой дождь	11
Младшая сестра	21
В жаркий день	30
Случай с пчёлами	41
Гречка в цвету	48

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об
этой книге присылать по адресу:
Москва 47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Прод. 1969

Прод. 1969

1961-66 г.

69555

Ш 658 Шинков, А.

Многократ сссы

1957.

1.60

69555

НАУЧНАЯ ЕДИНИЦА
ДОМА ДОКТОРА ИВАН
ДЕТСКА

100 =
Цена ~~1~~ р. 60 к.

23
ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор С. Миримский. Художественный редактор Н. Яцкевич.
Технический редактор З. Головкина. Корректоры Е. Балабан и
Р. Мишелевич.

Сдано в набор 22/X 1951 г. Подписано к печати 19/XII 1951 г. Формат $70 \times 92 \frac{1}{16} =$
 $= 1,875$ бум. — 4,376 п. л. (2,88 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А09085. Заказ № 3294.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.